

УДК 821 (470.621).09

ББК 83.3 (2=Ады)

Я-91

Яхутль Юлия Арамбиевна, аспирант кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: partner.86@mail.ru;

Панеш Учужук Масхудович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Адыгейского государственного университета.

**О ВЛИЯНИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ НА РОМАН
Т. КЕРАШЕВА «СОСТЯЗАНИЕ С МЕЧТОЙ»**

(рецензирована)

Рассматривается на примере произведения Т. Керашева «Состязание с мечтой» новая модель северокавказского просветительства в младописьменном романе XX века. Отмечается, что автор обращается к проблеме интеллектуального распрямления простого человека, обогащения личности, способной к самопознанию как результат революционных изменений в обществе. Делается вывод о том, что новая идеология просвещения нашла отражения в показе образа центрального персонажа Шумафа.

Ключевые слова: *новая модель просветительства, младописьменный роман, национальный характер, художественные особенности, структурно-стилевые черты.*

Yahutl Julia Arambievna, post graduate student of the Department of Literature and Journalism of Adygh State University, e-mail.: partner.86@mail.ru;

Panesh Uchuzhuk Maskhudovich, Doctor of Philology, professor of the Department of Literature of Adygh State University.

**ON THE INFLUENCE OF EDUCATIONAL IDEAS ON T. KERASHEV'S NOVEL
“CONTEST WITH THE DREAM”**

(reviewed)

A new model of the North Caucasus enlightenment in a newly created written novel of the XX century has been considered on the example of T. Kerashev's novel “Contest with the dream”.

It has been noted that the author addresses the problem of intellectual straightening of a common man, the enrichment of personality, able to self-knowledge as a result of the revolutionary changes in the society. It has been concluded that the new ideology of education has found reflection in the display of the image of the central character Shumaf.

Keywords: *new model of enlightenment, a newly created written novel, national character, artistic features, structural and stylistic features.*

Роман «Состязание с мечтой» Т. Керашева и по замыслу был продолжением произведения «Дорога к счастью» («Шамбуль»). Этот факт подтверждают сам автор. Внимание писателя и здесь приковано к «женской» теме, но теперь он хочет показать ту новую ступень духовного роста, на которую встала женщина в советской Адыгее как активный и равноправный участник строительства новой жизни.

Глубоко волнуют автора вопросы национального искусства и психологии художественного творчества. Пытается решить он и вечную проблему «поэт и народ». Этих проблем еще не могло быть в период создания первого романа, когда во главу угла ставились идеи социально-политических преобразований, да и иным был общественный и художественный менталитет писателя.

Присутствие главного героя, через восприятие которого даются люди и события, свойственно обоим романам. Более того, завязка действия связана с приездом городского человека, посланного партийными органами в аул для оказания помощи местным кадрам. Этот мотив стал типичным для многих произведений на тему «перелома» в деревне – как в русской, так и в национальных литературах. Т. Керашев помешал намеченному сюжетному стереотипу осуществиться. Его герой Шумаф, во-первых, не совсем «городской человек», он адыг, родом из аула.

Во-вторых, он начинающий писатель, вдохновленный творческой задачей – открыть читателям жизнь и труд колхозников, показав их внутренний мир.

И, главное, практический опыт жизни и интеллект. Перед нами интеллигент новой формации с душой поэта, окрыленной жадным любопытством «до всего, что есть в мире».

Но Шумаф – не созерцатель, прикладывающий к жизни мерки, вычитанные из книг. Соединение своих знаний с почерпнутыми у окружающих, талант осмысления жизни через общение с людьми разного «калибра» составляют стиль его жизненного поведения и выкристаллизовываются в факты биографии. Внимательно вглядываясь в личность своего героя, Т. Керашев лепит его запоминающийся и первоначально удивляющий всех образ через мнение и эмоции народа.

Сначала писатель пытается исчерпать два плана изображения: деятельность в ауле Шумафа и творческий труд колхозников, но вскоре их рамки оказываются тесными для выражения мыслей о цели и значении человеческой жизни, о чести и совести, достоинстве мужчины, об изменениях в самих устоях адыгейской семьи. Несколько новых тем подключается к основной, появляются новые образы действующих лиц.

Этическая тенденция заметна в романе также на принципах выбора героев. Писатель обращается прежде всего к характерам большой человеческой и гражданской активности. Его интересуют люди мыслящие, богатые духовно, эмоционально. На первом плане здесь – представители народа, труженики земли. По-новому, широко изобразив молодежь, писатель новаторски решает и тему старшего поколения, обогащает национальную традицию уважения мудрой старости тем, что меру авторитета человека определяет прежде всего его трудовыми заслугами перед обществом.

По сравнению с первым романом, в «Состязании с мечтой» народных сцен не меньше, но они более локальны и дробны, внешне менее героичны и пафосны. Нет массовых революционных действий, собраний, сходов, что соответствовало своему историческому периоду. Но картины народной жизни раскрывают и здесь существенные черты национального бытия 50-х годов. Народ – уже коллектив, формирующийся с единой волей и общими стремлениями. И противники его – не классовые враги, а так называемые носители «пережитков», хотя преодоление их тоже трудно, зачастую похоже на бескровную, но борьбу. Методы преодоления – из просветительского арсенала: разъяснение, убеждение и нередко личный пример «просветителей» – передовых в труде и жизненных целях колхозников.

Глав, с художественной силой воспроизводящих народную жизнь, философию и мораль народа, в романе немало. Такова 13-я глава, вся пронизанная ритмом адыгейских мелодий, в которых проступает национальный характер, отражена история народа. Здесь эпическое повествование надолго уступает место широкому и вдохновенному показу талантливой народной души, силы героических народных традиций, драгоценного дара песни и танца, принесенных из мглы веков через безмерные страдания в тисках бедности и обид. Самозабвенно отдается им вместе с героями и сам автор.

Реальный жизненный поток писатель стремится передать синтезом эпоса, лирики и драмы. Смешное и серьезное у него рядом, и это придает изображению ощущение достоверности.

Таков комический испуг старой Хацац, увидевшей рано утром одну из героинь за физзарядкой, и следующая трагикомическая сцена «воспитания» отсталых женщин во главе со «сплетницей» Гошсох. Конечно, далеко не всегда писателю удается точность слова, краткость фразы, выразительность «образа речи». Множество диалогов (внешняя драматизация текста), дословная передача речи героев загромаждают произведение словесными блоками, дробят изображение на отдельные, мало связанные друг с другом эпизоды.

Эти и другие недостатки стилового и сюжетно-композиционного характера не теснят ширящуюся тенденцию к философскому осмыслению жизненных явлений, анализу

их этического, гуманистического содержания – не вообще, а в соотношении с народной оценкой. «Художник не может воссоздать жизнь, если он не отважится думать о жизни», – верно заметил Ральф Фокс в своей книге «Роман и народ». «Мысли о жизни» [1, с. 225] составляют существенную грань новаторского содержания романа. Их светом озарены образы людей из народа и духовный мир новой национальной интеллигенции, типическим представителем которой становится человек интеллектуального склада. Поэтому без характеристики главного героя – писателя Шумафа – невозможно определить прежде всего содержание «мыслительного» материала в романе. Но образ Шумафа интересен еще по ряду причин.

Шумаф – писатель-фронтовик – как нельзя более способен быть носителем авторских идей. Пожалуй, такой выбор главного героя действительно мог обеспечить автору успех в реализации его задачи: осмыслить глубокие перемены в жизни адыгейского народа.

Трудно сказать, чего больше в герое – профессионального интереса к людям или человеческой близости к ним. Пожалуй, и то, и другое синтезировано на основе его гражданского склада характера. Интерес к социальному в человеке помогает Шумафу проникнуть в его духовную организацию, а знание о жизни труженика в прошлом позволяет сравнить ее с настоящим и сделать выводы о кардинальных изменениях прежде всего в мироощущении нового человека. Именно эти изменения стали объектом исследования «изнутри» – из самой гущи народной жизни, которую герой «делает» бок о бок с персонажами своей будущей книги. А так как герой – человек мыслящий и чувствующий, то и мир, являющийся читателю через его восприятие, освещен чувственным пониманием.

Волнует героя и мысль о приобщении людей к прекрасному: ведь способность ощущать красоту вокруг себя обостряет зоркость к человеку, крепит гуманистическое чувство.

Шумафу импонирует активная творческая личность. Он считает, что начала ее есть в каждом человеке. Надо лишь найти главное звено в его характере. Изменение жизненной философии старого Маруха, например, от позиции стороннего наблюдателя колхозных дел до активного в них участия – один из многих примеров удачно найденного Шумафом ключа к людям. Этим ключом к старику был его талант искусного мастерового, как-то забытый высокомерным колхозным председателем. Впрочем, не только талант Маруха был пробужден Шумафом, сумевшим организовать общие интересные практические дела, в начале которых была всегда малоприметная, но впоследствии ярко очевидная новизна пользы и даже необходимости для общего дела.

Здесь необходимо указать на мотив действий героя: его отличает чувство ответственности за всех и за все в колхозе. Скажем, почему плохо кормят людей на полевом стане? Почему нет там книг и газет? Как устроить купальню для тружеников на ферме и в поле? Кто поможет колхозному саду? Как спасти хлеб от гибели? Что мешает овцеводству и птицеводству?

Показывая многие стороны деятельности Шумафа, автор хочет раскрыть внутренний мир духовно одаренной личности с психологией просветителя, вникнуть в интеллектуальную сторону писательского творчества как процесса. И здесь многое ему удастся. Но не за счет авторского описания внешности или действий героя, и даже не за счет склонности автора к воссозданию образа своего героя через восприятие окружающих, прямо-таки потрясенных, надо сказать, гостем. Эти приемы особого эффекта в романе не дают, так как не убеждают читателя в наивности сельского люда 50-х годов, тем более вскоре талантливо и умело раскрывающего свои возможности и в труде, и в искусстве. Главное средство, которым достигается впечатление реальности образа «человека со стороны», – это раскрытие его духовной жизни, к чему и стремится Т. Керашев. Эта задача облегчается тем, что автор и его герой – единомышленники. Более того, Шумаф – это часть авторского «Я», олицетворенного внутреннего мира самого Т.

Керашева (судя хотя бы по его мемуарам и публицистике). Отсюда и спаянность их мыслей, незаметный переход рассуждений героя в философские отступления автора, единство эмоционального отношения к окружающему, сходство нравственных оценок.

В рассказе о том, как Шумаф после глубокого психологического потрясения (гибель жены) возвращается к творчеству, писатель верен жизненной правде, поэтому убедителен. Довольно сложный эмоционально-нравственный портрет героя именно в момент оформления его творческого замысла в сюжет дан в главе 15. Здесь двигатель его творческого вдохновения – дерзкая мечта девушек, утвердивших его в мысли о всепобеждающей силе свободного труда, что порождало оптимистическое жизневосприятие. Увлеченность Даус осмысливается на фоне песенной мелодии. Этот рассказ строится на зрительных образах, как бы пронизанных одной торжественной мелодией песни Даус. Размышления героя, которые следуют затем, даны в авторском изложении. Но тональность их указывает на принадлежность Шумафу, потом во весь голос говорит сам автор. Его публицистическое отступление прерывается мыслями героя.

Наиболее важным моментом в этом углубленном анализе внутренней жизни героя являются, на наш взгляд, страницы, посвященные психологии литературного творчества, попытки раскрыть сам процесс вызревания художественной мысли, оформления ее в конкретные образы и конкретный сюжет. Анализ этого процесса дает представление о реальной почве писательского вымысла и творческих обобщений, о взаимодействии жизни и искусства. Вторжение в жизненный материал, осмысливание его, проверка умозрительных, хотя порой и верных представлений о жизни ее практикой, муки творчества, мысль, борющаяся между стремлением к правде и неопытностью, которая тянет к сюжетной схеме, – все это в романе показано убедительно.

Но Шумаф – это художественный образ человека, созданный с помощью объективированного изображения, имеющий самостоятельное значение, помимо его отношения к личности автора. В нем сконцентрированы типические черты лучшей национальной интеллигенции 50-х годов – с деятельным началом личности, гуманизмом, близостью к интересам народа, передовой идеологией. Но внешность героя, особенность его характера, только его, личная, биография придают образу Шумафа ту необходимую индивидуальность, без которой он перестает быть типическим образом. Это – личное – в Шумафе автор раскрывает тогда, когда читатель достаточно узнал героя в действии, познакомился с общественной стороной его личности. Таким образом, идея автора становится персонажем, облекается в живую плоть человека.

Шумафу близок образ писателя, нарисованный как идеал М. Горьким в речи на втором пленуме Правления Союза советских писателей: «Наш советский писатель не может быть только писателем, не может быть только профессиональным литератором, это – живое лицо, живой энергичный участник – всего того, что творится в стране. Он работает буквально везде, это та самая пчела, которая собирает сок со всех цветов, создает мед и воск. Он должен быть вездесущим, всевидящим, ну и <...> всемогущим. Он должен быть золотой арфой, которая всякое движение воспроизводит в хороших звуках» [2]. Видно, что слова М. Горького о «вездесущем и всевидящем» оке писателя чересчур буквально восприняты автором и довольно иллюстративно отражены в романе.

Литература:

1. Горький М. Наша литература – влиятельнейшая литература в мире // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. М. Гослитиздат, 1978. 429 с.
2. Фокс Р. Роман и народ. М.: ГИХЛ, 1960. 220 с.